

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КОНСТАНТИН КАЛБАЗОВ
**ПИЛИГРИМ.
ВОЕВОДА**

Пилигрим

Константин Калбазов

Пилигрим. Воевода

«АЛЬФА-КНИГА»

2021

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Калбазов К. Г.

Пилигрим. Воевода / К. Г. Калбазов — «АЛЬФА-КНИГА»,
2021 — (Пилигрим)

ISBN 978-5-9922-3256-1

Ему оставалось жить несколько месяцев. Но счастливый случай позволил обрести новую, насыщенную жизнь. Да, в Средневековье, но какое это имеет значение. Тем более если все складывается так, что скучать не приходится. Он испытал на себе, каково это – пройти по пути «из варяг в греки». Увидел блеск и нищету Царьграда. Прошел через грязь, кровь и смрад сражений. Едва не разрушил государство сельджуков. Был любимцем будущего императора и любовником его сестры. И судьба готова одаривать его новыми радостями и испытаниями, которые не дадут застояться крови. Но в какой-то момент чувство ответственности за доверившихся ему людей подсказывает, что на территории Византийской империи он их защитить не сможет. И тогда он решает вернуться на Русь. Там тоже беспокойно. Княжества то и дело сотрясают междоусобицы. Но ведь можно устроиться и в стороне от этих конфликтов. Если получится, конечно.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-3256-1

© Калбазов К. Г., 2021
© АЛЬФА-КНИГА, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Константин Калбазов

Пилигрим. Воевода

Глава 1

Земля переяславская

Поселение пало. Победители заняты грабежом и насилием. Родители вынуждены смотреть на то, как раскладывают их дочерей. Мужья – как глумятся над их женами. Учитывая же то, что женщин в разы меньше, чем нападавших, участь у них незавидная.

Впрочем, резать и измываться сверх меры над ними никто не станет. За подобное куренной¹ или кошевой² по головке не погладят. А то, глядишь, еще и живота лишат. И остальные только поддержат его в этом. Потому как бой закончен и теперь все пленники не что иное, как добыча и товар. Они даже легкораненых худо-бедно обихаживают. Тяжелых добивают без раздумий.

Михаил наблюдал за происходящим, скрежеща зубами. Вообще-то, оно его не касается ни с какого боку. Они ему никто, и звать их никак. Мало того, случись им его пограбить, так сделали бы это, не задумываясь. Ладно бы еще князьи люди. Так ведь не пойми кто. Да и принадлежность к княжеской дружине никакой гарантии не давала.

Но вот не мог он делить на своих и чужих, хоть тресни. Они все для него русские. Конечно, сомнительно, что он стал бы вот так корить себя и прислушиваться к совести, не чувствуя за собой силу. А она у него была. Как и серьезный шанс помочь этим бедолагам, не сумевшим оборониться от степняков...

Романов решил ковать железо, пока оно горячо, и выпросил разрешение у Комнина прогуляться с одной полусотней в Крым, чтобы провести рекогносцировку на местности. А к чему затягивать. Опять же, если император вдруг решит передумать, то сомнительно, что он призовет на войну полусотню.

По сходной цене удалось сторговать русскую ладью. На службу прибыла очередная дружина варягов, которым нужно было сбыть суденышко. Комнин остро нуждался в воинах, а потому принимал на службу всех, кто бы ни пришел.

Земли, отведенные пограничникам Алексеем в Крыму, Михаилу не понравились категорически. Выжженная степь, лишенная иной растительности, кроме сухой травы и редких кустов. Воду добыть можно. Но, по опыту того же Корчева, только в глубоких колодцах. Полуостров изобилует озерами, но все они соленые. Обосноваться можно. Однако усилий это будет стоить колоссальных. Да еще имея под боком такого недоброжелателя, как Олег.

Посоветовавшись с Гаврилой, Михаил решил вернуться к изначальному плану, отправиться в русские земли и попытать счастья там. Тем более что в трюмах имелся кое-какой товар. И что-то подсказывало Романову, что в том же Переяславле он сбудет его с куда большей выгодой. Туда они смогут прибыть только с началом осени. И расторгнутся однозначно не за серебро. Но и загрузить ладью товарами, чтобы реализовать их в Царьграде, вполне приемлемый вариант.

Пороги преодолевали волоком. Конец лета и вода слишком низкая. Обратный путь также предстоит посуху. Осеннее половодье не сможет в достаточной мере напитать русло. Та еще

---

¹ **Куренной** – глава рода, в который входило множество семей, аилов, численность могла достигать нескольких тысяч. Родовое имя обычно оканчивалось на «опа», «оба», «епа». – *Здесь и далее примеч. авт.*

² **Кошевой** – глава аила, семьи, которые по численности могли превышать сотню человек, потому что включали в себя несколько поколений близких родственников.

морока. А главное, затраченное время. На волок ушла целая неделя. Причем пограничники не отстаивались в стороне, активно помогая быкам селян, обслуживавших этот маршрут.

Дым пожарища увидели с реки. Бог весть за какой надобностью, но Михаил решил все же пристать к берегу и с пятью воинами отправился разведать обстановку. Гаврила увязался за ним, мотивировав тем, что у корабля и десятники управятся.

Вот и сидят в кустах, наблюдают за тем, как половцы развлекаются на другом берегу притока Славутича. Причем не все, а только те, кого отрядили для охраны пленных. Остальные заняты спасением из огня теперь уже их имущества. Еще немного, и пламя захлестнет все поселение, спасти которое уже нереально. Даже если все скопом набросятся на огонь.

– Ну и что ты по этому поводу скажешь, а, Гаврила? – поинтересовался Михаил.

– А что тут говорить. Это не наши люди и не наша забота. Пусть голова болит у князя Ростислава Всеволодовича.

Вот ведь нахал. В том, что они управятся с вдвое превосходящими силами, сомнений у него нет. И это при том, что половина пограничников из бывших крестьян.

– Мальчишке только десять, – возразил Михаил.

– Значит, пускай порты преют у его дядьки, – пожав плечами, с легкостью перевел стрелки Гаврила, имея в виду воспитателя и наставника князя.

– Не любишь ты Всеволодовичей.

– А за что их любить? Стараниями Всеволода князь Роман в сырую землю лег.

– И?

– Дело прошлое. Сегодня я с тобой. Но память мне не отшибло.

Михаил кивнул, мол, понимаю. Вновь обратил взор в сторону разоряемой слободы. И опять в голове птицей в клетке бьется вопрос. Встревать в происходящее или пройти мимо? Вообще-то, они здесь не за тем, чтобы положить своих людей. Всем он помочь не сможет, мир этот ему не переделать, натуру человеческую не изменить. Да и меньше их.

– Овчинка выделки не стоит, – цыкнув, коротко бросил Гаврила, видя нерешительность командира.

– То есть не вмешиваемся?

– Сам посуди, какой резон нам встревать? Ну каким боком мы к Переяславлю? Вот когда срастется... Да что ты будешь делать, – тяжело вздохнул воин, видя настрой своего лидера. – Командуй уж.

– В ладье остаются пятеро. Остальным сюда. Бить будем с этого берега. Через реку не переходим.

Полусотник вновь тяжело вздохнул и отполз, чтобы передать приказ дальше по команде. После чего вернулся, двигаясь все так же аккуратно и бесшумно, прикидываясь несущим комком. Лохматые маскировочные комбинезоны уже давно входят в комплект пограничников. Полезная штука. Правда, громоздкая.

Если налегке, то они предпочитают обходиться портами да чехлами на броню и шлемами, изгвазданными в соке травы. Получается не так хорошо, как в лохматке, зато носится как обычная одежда, не занимает место и не мешает обращаться с луком.

– Как будем действовать, сотник? – поинтересовался вернувшийся Гаврила.

– В ближний бой не лезем. До дальних кочевников шагов полтора-два, вполне достаточно, чтобы точно метнуть стрелы.

– Отгоняем половцев? – догадался Гаврила.

– И зазываем пленников к реке. А там они, кто вплавь, а кто на лодках, переправляются на наш берег, – подтвердил Михаил.

– Сомневаюсь, чтобы кочевники так легко ушли. По первой-то оно, конечно. Но потом образумятся.

– А мы не станем этого ждать. Слободчане похватают свои лодки, и мы уйдем к Славутичу. Кому в лодках места не хватит, примем на борт.

– Сокрушаться станут по добру.

– У них будет выбор. Пусть сами решают: идти в полон из-за собственной жадности или уходить с нами. Тут уж наше дело сторона. Каждому в голову ум не вложишь.

– После такого им только в закупы³. Для кого-то разница невелика. Могут и рискнуть спасти добро.

– Не наша головная боль, – повторил Михаил.

Разграбление приближалось к своему логическому завершению. Слобода уже полностью объята пламенем. Добро, что удалось спасти, на берегу реки, у стихийно возникшего лагеря. Самоотверженно спасавшие имущество воины теперь могли перевести дух и удовлетворить свою похоть. Не все. Ну да, на всех и баб не хватит. Остальные занялись перераспределением добычи и увязыванием ее в тюки.

Хм. А вон тот, похоже, кузнец. Побит изрядно. Однако держат отдельно, под особым караулом. Домочадцы жмутся к главе семьи, и на них никто не смеет бросить руку. Жене даже передали перевязочные материалы, кивая в сторону мужа, мол, перевяжи сердешного. Об особом отношении к ремесленникам и кузнецам в частности Михаил уже слышал. И вот живая иллюстрация. Этому мужику прямая дорога в курень, а не на невольничий рынок.

Вскоре подошли воины, и Михаил оттянулся назад, чтобы скинуть и упаковать лохматку. Как уже говорилось, она хороша для маскировки, но мешает при обращении с луком. Вот и остался он в чехле, скрывающем блеск стальных пластин. Сверкающими доспехами пусть другие форсят. Он же считает это лишним.

За прошедшие годы Романов подрос и возмужал. Не сказать, что полностью отказался от арбалета. Тот находился в арсенале на корабле. Но теперь предпочитал пользоваться турецким луком, который стал ему по плечу. Причем благодаря своим способностям он сразу выбился в лучшие стрелки сотни. Подвиг Робин Гуда повторить у него не получалось. Но сразить человека на дистанции в три сотни шагов с помощью собственноручно изготовленных стрел для него не составляло труда.

Дальнобойное оружие имели все пограничники без исключения. Кому не дался в руки лук, пользовали арбалеты. В полусотне Гаврилы таковых пятеро, и именно они остались на ладье. Самострел уступит турецкому луку только в скорострельности. А так-то куда серьезнее. Но сейчас важна не бронебойность, а скорострельность.

Впрочем, арбалеты являлись не только альтернативой лукам. Пограничники наработали изрядный опыт в использовании этого оружия в качестве средства поддержки в рукопашном бою. И эта тактика давала свои положительные результаты. В особенности при захвате зданий и укреплений.

– Выдвигаемся на позиции и по моему сигналу бьем половцев, – начал раздавать указания Михаил. – Сначала дальних. Первый, второй десяток – левый фланг и до центра. Третий и четвертый – правый. Пятый, я и полусотник – центр. Вопросы? Вот и ладно. Пошли.

Уже через пять минут они вышли к деревьям, что росли прямо у берега. Половцы продолжали свое занятие. Правда, теперь уж выставили посты. И со стороны реки в том числе. Но прежняя наука и противостояние с турками для пограничников не прошли даром. Так что они продолжали оставаться незамеченными.

---

³ **Закуп** – свободный человек, заключающий договор зависимости с феодалом, добровольно переходя в холопы. Однако с рядом преимуществ. Так он являлся субъектом, а не объектом права. Его не могли продать, покуситься на честь и достоинство. Но могли высечь. За свои проступки закуп нес ответ сам, а не феодал.

Михаил встретился взглядом с Гаврилой и указал на четверых кочевников у берега реки. Выставил два пальца, указал вправо и на себя. Тот кивнул, правильно поняв командира. Пожалуй, пора.

Романов вскинул короткий турецкий лук. Быстро, но плавно натянул тетиву и с хлестким щелчком о наруч пустил стрелу в крайнего справа и самого дальнего из часовых. Остальные сразу же всполошились и одновременно с многоголосыми щелчками спускаемых тетив подали сигнал тревоги. Однако было уже поздно.

Двое часовых опрокинулись на песчаную полосу берега. Вдали послышались вскрики раненых и многоголосые тревожные возгласы. Половцы не растерялись и поспешили укрыться за стеной щитов, сбив некий строй. А ведь считается, что так биться они не умеют. Впрочем, еще до того, как они закончили построение, их настигла вторая волна смертоносных стрел.

Михаил взял в прицел другого часового, прикрывшегося щитом и пятившего в полуприсяде к своим товарищам. Грамотно укрывается, хотя и сложно это с небольшим кавалерийским щитом. Тут не помешал бы пехотный. Прицелился в правую ногу, взял упреждение и пустил стрелу. Не попал. Она вошла рядом с голенью, лишь коснувшись древком портков.

Пока доставал из саадака⁴ следующую стрелу, заметил, что не меньше полутора десятков половцев лежат на траве либо в корчах, либо уже неподвижно. Губительным вышел первый залп, чего уж. Да и второй собрал урожай. Гаврила уже оприходовал своего часового и накладывает новую стрелу.

– К реке! Все к реке! Живо! – выкрикнул Романов, вновь натягивая тетиву.

Щелчок. Короткий шорох оперения. И стремительный росчерк устремился к цели. Есть! Стрела вошла в голень, наверняка раздробив при этом кость. Если не труп, то калека однозначно. А нет. Все же труп. Гаврила воспользовался моментом и вогнал стрелу точно в приоткрывшийся бок.

На этом успехи пограничников закончились. Половцы сбили-таки стену щитов и из-за прикрытия пустили первые стрелы. Те с пугающим шуршащим свистом ударили по зарослям, отозвавшись шелестом листьев и перестуком о стволы деревьев. До Михаила донесся сдавленный вскрик. Стрелы же его людей начали вязнуть в щитах противника.

– Укройся! – выкрикнул он, видя бесполезность дальнейшей перестрелки.

Свои щиты они не брали. В лесу те только помеха. Но здесь и без того есть где спрятаться. Сам Михаил ступил в сторону, уходя за ствол дерева. У остальных должно быть не хуже. Вскоре прилетела следующая волна стрел. Половцев все еще больше, и они могут учудить что угодно. То, что большинство из них не имеет никакой брони, вовсе не значит, что они никудышные воины. Как раз сражаться-то они учатся с самого детства. Причем все без исключения.

– Зажигательные стрелы! – вновь выкрикнул Михаил.

Незачем тыкать наугад в выставленную стену в надежде угодить в оставленную щель. У каждого из пограничников в саадаке имеются по три стрелы с красным оперением. Под них пришлось даже ладить отдельные жесткие гнезда, слишком уж хрупкие наконечники.

Достал свою. Извлек небольшую фляжку с зажигательным составом и полил намотанную паклю. Далее огниво. Нечто вроде замка кремневого ружья. Продукция его мастерских. Только трут укладывать в гнездо не стал, просто высек искру, направив на паклю, которая тут же вспыхнула чающим пламенем.

Тем временем слободские, правильно оценившие ситуацию и полученную команду, успели перебежать к берегу реки и укрыться за его изломом. Благо вязали им только руки. Половцы бить их не стали. Пока еще не расстались с надеждой увести в полон. Наверняка уже прикидывают варианты дальнейших действий и даже что-то там предпринимают.

---

⁴ **Саадак** – чехол для ношения лука, распространенный у турок, кочевых народов и на Руси до XV века. Мог быть как отдельным для лука, так и совмещенным с функцией колчана для стрел, нередко к нему прикрепляли и ножны с ножом.

– Бей! – дождавшись очередной волны прилетевших стрел, командовал Романов.

И тут же в сторону половцев полетели огненные росчерки, оставляющие за собой дымный шлейф. Пошли вразнобой. Все же пограничники не в строю. Но от того не менее губительно. Тонкая керамика с легкостью разбивалась о деревянную и кожаную преграду, выплескивая наружу греческий огонь, тут же занимающийся жарким пламенем.

Причем дело это такое, что огненные капли и струи непременно нашли способ проникнуть за преграду. И тут же послышались испуганные крики, перемежаемые с воплями, полными боли. Пока пограничники накладывали на луки обычные стрелы, строй кочевников успел рассыпаться. Сами они не стреляли. Зато в них прилетела волна в пять десятков оперенных вестниц смерти.

И тут началось повальное бегство в лес. Один из воинов, охваченный огнем, бросился к реке. Только бесполезно это. Лишь продлило бы агонию. Поэтому Михаил пустил в него стрелу, упокоив навеки. Незачем измываться над бедолагой. Гореть заживо адом мучения.

– Развязывайте путы и переправляйтесь на этот берег. И лодки не забудьте. Живо! – приказал Михаил слободским.

Отдавая распоряжение крестьянам, он уже смещался вдоль линии своих бойцов в поисках раненых. Во всяком случае, ему хотелось надеяться, что погибших не случилось.

Тем временем Гаврила уже выкрикнул приказ десятникам доложить о потерях. Как минимум первая фаза боя позади. Поэтому Романов переквалифицировался в хирурга, а Гаврила командовал полусотней. Никаких сомнений, что половцы перегруппируются для следующего удара. Не девки же они боязливые. Наверняка сумели оценить численность противника. А потому так просто не отступят.

– Петр, ты как? – опускаясь рядом с раненым, поинтересовался Михаил.

– Бывало и лучше, сотник, – с виноватым видом ответил воин, получивший стрелу в бедро.

– Не страшно, – ощупывая рану и заставляя кривиться раненого, подбодрил Михаил. – Кость не задета. Мелочи. Терпи. Сейчас выну, – срезая оперение, произнес Романов.

Извлек стрелу. Плеснул антисептиком и наложил давящую повязку. Пока пойдут. Остальным займется уже на ладье. Тем временем подошел Гаврила и доложил, что других потерь нет. Да крестьяне заканчивали переправляться на этот берег.

– Кто старший? – повысив голос, поинтересовался Михаил у спасенных.

– Я староста, боярин, – отозвался дюжий мужик с повязкой на голове.

– Мы уходим. Если идете с нами, тащите на руках лодки. На ладье на всех мест не хватит. Половцы еще вернутся.

– Ну, так вы им эвон как врезали, нешто не обороните.

– Тебя как звать?

– Викула.

– Так вот, Викула, у меня нет никакого желания терять своих людей за ваше добро. Мы не князьи люди, а купцы прохожие. Животы ваши сберегли. А уж как быть дальше, решайте сами. Хотите – уходите с нами. Нет – идите спасать свое добро. Уходим! – повысив голос, распорядился он, указывая двоим воям, чтобы прихватили раненого.

Глава 2

По пути в Переяславль

Крестьяне, конечно, посокрушались по своему добру, но голову все же не потеряли, двинулись вслед за воями напрямки к Славутичу, вынося свои лодки, помогая раненым, старикам и детишкам. Пограничники также не остались в стороне, подхватив на руки малышню. Уходить нужно было спешно. Впрочем, пустить по флангам дозоры Михаил не забыл. Беда приходит тогда, когда начинаешь пренебрегать мерами безопасности.

Возможно, спасенные и озлились на Романова, из-за которого пришлось бросить все имущество. Лично он этому ничуть бы не удивился. Времена тяжелые, каждый гвоздь достается тяжким трудом. Пашня полита не одной бочкой пота. И так куда ни кинь. Все нажитое тяжким трудом пошло прахом, как бы это банально ни звучало.

К кораблю вышли без труда и гораздо быстрее, нежели петляли бы по извилистому руслу реки. Да и устье ее было значительно ниже по течению Славутича. Лодок на всех ожидаемо не хватило. Поэтому пришлось изрядно потесниться на ладье. С посадкой случилась заминка. Все же люди непривычные к большим судам. Да и с дисциплиной прямо беда.

– Охо-хошеньки, – покачал головой Гаврила.

– Чего кряхтишь, как дед старый? – поинтересовался Михаил.

– Да вот, гляжу, как с этими мучаемся, и представляю, как с нашими намаемся. Они, поди, тоже к судам непривычны.

– Ничего. Своя ноша не тянет.

– Ну-ну, – не разделил оптимизма сотника подчиненный.

Едва покончив принимать на борт людей, поспешили отойти и перебраться к противоположному берегу. По стремнине выгребать против течения, это нужно сильно заболеть на голову. Придерживаться и дальше стороны, где оставили обозленных половцев, глупо.

– Что скажешь, Гаврила? – пристроившись на носу, поинтересовался Михаил.

– О половцах?

– О них.

– Не отвяжутся. Их там все еще больше сотни. Переправятся через Славутич и ударят по нам. Злые они сейчас. Я бы так и поступил.

– Дорого обойдется им драка.

– Добыча стоит такого риска. Мы же просто ходячее сокровище. Такие доспехи сами по себе редкость, а тут сразу пять десятков. Однозначно рискнул бы.

Это да. Повсеместно распространена кольчуга. Долго, муторно, но значительно проще и дешевле. Опять же вяжут из мягкого железа. Пограничники же все обряжены в ламеллярные доспехи, да еще и из стальных пластин. Не баран чихнул.

В этих краях сталь чуть не на вес серебра. Половцы же, по большей части и вовсе бездоспешные, расхаживают в коже, и лишь малая часть в кольчугах, в ламелляре и вовсе единицы. Оружие из дрянной стали. Так что хорошо вооруженный отряд действительно лакомый кусочек.

– Думаешь, уже рассмотрели нас?

– К гадалке не ходить.

– Но мы все же зубатая добыча. Будет больно.

– Риск того стоит, – гнул свое Гаврила.

– Тогда начинаем присматривать место для стоянки. Нужно будет уважить гостей.

На ночевку встали километрах в десяти выше по течению. В сотне шагов от берега кустарник. Не густой, но если ночью, то приблизиться без проблем. А там один бросок, и нападающие уже в лагере режут полусонных воинов. Конечно, не факт. Но вполне вероятно.

Славутич все еще проходим для купцов. Небезопасен, ясное дело. Но риск пока вполне оправдан. Половцы также сознают необходимость пропуска судов. Перекрыв реку наглухо, они попросту прирежут дойную корову. Так что шалят, не без того. Но не лютуют. Мало того, и сами, бывает, выходят торговать. Если на берегу показывается всадник и начинает призывать купцов пристать, можно не сомневаться, торг будет честным.

Лагерь разбили компактно и шумно. Развели несколько костров. Демонстративно расхаживали между ними. Еще и представление устроили в виде борьбы. Детвора весело щебечет, быстро позабыв о невзгодах. Это у родителей голова болит, как быть дальше. У мальцов же забот пока нет.

Постепенно лагерь начал затихать. Костры затухать, отсвечивая лишь подернутыми пеплом угольками. Стоянка погрузилась в темноту. И только в одном месте продолжал гореть огонек перед неподвижно сидящим караульным, не иначе как уснувшим.

Все именно так и должно выглядеть со стороны. На деле же крестьян с домочадцами частью погрузили на корабль и упрятали в трюм. Частью в лодки и укрыли за корпусом ладьи. Этак ни стрела им не грозит. Ни рукопашная. Если, конечно, половцы припожалуют, а пограничники сдюжат.

Напоследок спасенным наказали сидеть тихо как мышки, чтобы не насторожить врага. Михаил пообещал лично срубить голову тому родителю, чье дите поднимет шум. И его решимость говорила о том, что он непременно выполнит свою угрозу.

Воины расположились на корабле в полном облачении и с оружием на изготовку. Если все пройдет тихо. Всего лишь одна бессонная ночь. Явятся половцы. Встретят их от всей своей широкой души. Остается ждать. А оно, как известно, хуже, только если догонять.

Степняки таки припожаловали. Уже практически в предрассветных сумерках, когда сон особенно крепок, из кустарника вдруг раздалась разноголосица щелчков тетив, короткий шорох стрел, тут же сменившийся глухим перестуком попаданий в землю, древесину и глухим звоном о металл.

Вот только вместо ожидаемых стонов и тревожных выкриков нападающим ответила гробовая тишина. Вообще-то хороший повод призадуматься, а что, собственно говоря, происходит. Однако роли распределены, задачи поставлены. И, едва пустив стрелы, большинство воинов с диким гиканьем кинулись в атаку, отбросив луки и на ходу выдергивая из ножен клинки.

Едва первые нападающие достигли все еще безмолвствующего лагеря, как над ладьей раздалась команда Михаила:

– Бе-эй!

И тут же ответные щелчки тетив и росчерки стрел, устремившиеся к целям. Только в отличие от залпа половцев теперь над рекой разнеслись и вскрики сраженных наповал, и стечения раненых, и злобные крики воинов, осознавших, что их заманили в ловушку. Вот только они и не подумали отступить, всего лишь сменив направление атаки, с лагеря на ладью.

Вообще-то глупо. Им бы как раз отходить, прикрываясь щитами, а не геройствовать. А так напоролись еще на один залп, собравший свою кровавую жатву. Да и после забраться на ладью не такое уж и простое занятие. Она стоит бортом к берегу, едва касаясь песчаного дна. До верхнего края получается порядка двух метров. Неоспоримое преимущество обороняющихся.

Но не все так просто. Из кустов, едва различимых в предрассветных сумерках, в русичей полетели меткие стрелы. Сотня шагов для половецкого лука, как и для турецкого, плевая дистанция. Стальные наконечники тупо ударили в борта и щиты. Послышался вскрик пойманного смертельный гостинец, но, судя по донесшейся следом брани, все же не так серьезно.

Двое половцев, подбежав к борту и будучи в воде чуть выше колена, схватили с двух сторон щит и присели. Третий коротким прыжком оказался на нем. Мгновение, и, подброшенный товарищами, он взлетел вверх. Пограничник попытался достать его мечом, но тот отвел удар своим щитом и, ступив на борт правой ногой, коленом левой пнул противника в щит, отбрасывая его на спину. Одновременно с этим рубанул изогнутым мечом вправо. Отточенная сталь глухо звякнула по шлему второго пограничника, укладывая его на палубу.

Однако развить успех ему не дал Михаил. Не выпуская из левой руки лук, он бросил правую за плечо. Ладонь легла на шершавую, оплетенную полоской кожи рукоять, большой палец привычно отбросил стопор с гарды. И Романов потянул клинок и единым махом полоснул врага острием меча от груди до паха, вскрывая не защищенные броней грудь и живот, вываливая наружу внутренности.

Тело еще только заваливалось на спину, а Романов уже шагнул вперед, заполняя возникшую брешь. Только лук отбросил за спину, очень надеясь, что тот не повредится. Рука же вместо утраченного оружия уже сама собой потянулась к ножу в петле на груди.

Следующего заброшенного воина он встретил еще в полете. Этот также прикрылся щитом, но Михаил и не подумал атаковать его в лоб. Вместо этого, сделав обманное движение, клинок описал дугу и ударил по левой ноге, срубая ее чуть ниже колена. Половец еще взмахнул мечом в отчаянной попытке достать противника, но тот с легкостью уклонился от смертоносной полоски стали.

Раненый не просто упал, но и сбил с ног как обоих подбросивших его половцев, так и следующего, набегающего для прыжка. Михаил коротко взмахнул рукой, и граненый клинок вошел в межключичную ямку очередного бездоспешного кочевника.

Не расслабляясь, Романов потянулся к следующему метательному ножу. Одновременно с этим, перегнувшись через борт, ткнул острием клинка в основание шеи барахтающегося в воде врага. В этот момент его что-то дернуло за доспех со спины. Боли никакой. Ощущение, словно именно дернули и тут же отпустили.

Последний кочевник предпочел ретироваться к берегу, то ли отплывая, то ли переползая на пятой точке, быстро перебирая ногами и руками. Когда половец наконец подскочил на ноги, бросился прочь, Романов вогнал нож точно меж лопаток, без труда пробивая кожаный доспех.

Окинул взглядом место схватки. Противник бежал прочь, стремясь как можно быстрее скрыться за кустами. Короткий шорох, толчок в грудь с одновременным глухим звоном скользящего по стальным пластинам доспеха наконечника, и стрела, коротко вжикнув, улетела дальше в реку.

Михаил тут же присел в поисках щита. Рядом хлопнул арбалет. Игнат, тот самый мужик, которому в свое время досталось от турка-крестьянина, удовлетворенно кивнул и тут же опустился на пятую точку, укрываясь за бортом. Вставил ногу в стремя, лук ему так и не дался, и единым движением взвел тетиву. Наложил болт и, подогнув правую ногу под себя, эдак картинно встал на колено с уже вскинутым оружием. Вновь прицелился. Выстрелил и опять на задницу, изготавливаться к стрельбе.

Михаил наблюдал за этим лишь краем глаза, потому как сам уже подбирал свой лук. Наложил стрелу. Но когда был готов стрелять, половцев уже и след простыл. Утренние сумерки еще не рассеялись, вот и потерялись нападающие. Внизу все еще барахтался воин с отсеченной голенью. Романов без затей вогнал ему стрелу в грудь.

– Не преследовать! – заметив, как воины прыгивают в воду, выкрикнул он. – Гаврила, проверить личный состав и доложить о потерях. Раненых ко мне.

И только теперь обратил внимание на то, что сзади шлем за что-то цепляется. Завел руку за голову и нащупал древко стрелы. Пластины их доспехов накладываются не сверху вниз, как на старых образцах чешуйчатого, а наоборот. Так что номер, который однажды провернул Михаил, вогнав клинок снизу под углом, здесь не пройдет. Но, похоже, когда он наклонился,

чтобы достать клинком половца под бортом, ему и прилетел этот привет, прошедший аккурат меж пластин. Хорошо хоть, не достал до тела.

Михаил склонился над воином, получившим клинком по голове. Шлем не стальной, а железный. Но благодаря остроконечной форме со своей задачей справился. Меч оставил серьезную зарубку, но до головы не добрался. Романов пощупал пульс. Ага. Голова-то целая, но от сотрясения мозга бедолага все же не уберется.

Снял с обеспамятевшего шлем с подшлемником и осмотрел голову. Порядок. Нет даже шишки. Защита распределила удар по площади. Это как наполненной водой пластиковой бутылкой садануть. Выключишь с гарантией, следов никаких. По телу получить такой привет также удовольствие ниже среднего. И что примечательно, опять без следов.

– Ну как, Лука, пришел в себя? – видя, что мужик открыл глаза, поинтересовался Михаил.

– Дык. Вроде. А что, все уже кончилось? – поведя взором, растерянно поинтересовался он.

– Кончилось. Сколько пальцев?

– Два.

– Вот и ладно. Игнат, помоги ему.

Поднялся и перешел к следующему раненому. Тому прилетело в руку. И на этот раз серьезно. Перебило плечевую кость. Пришлось повозиться. Для начала обезболить, потом извлек стрелу. Промыл рану, закачав в нее лекарственный состав. После чего приступил к пальпации и составлению костей. Мозг давно и прочно зафиксировал все тактильные ощущения, поэтому провозился недолго.

– Пятеро ранены, включая Гордея, – кивая на десятника, которого только что обиходил Михаил, начал доклад Гаврила. – Кроме него еще один тяжелый. На носу лежит. Стрела аккуратно в незащищенную подмышку угодила. Не знаю, как ты будешь его вытаскивать с того света. Остальные ничего серьезного, и сами справимся.

– Сразу нужно было звать, – попенял Романов.

– Никита, скорее всего, скончается, Гордею же, глядишь, руку еще сбережешь, – возразил практичный полусотник.

– М-да. Повоевали. Лагерь сворачиваете? – укладывая инструменты в короб, поинтересовался Михаил.

– Сворачиваем. Еду готовить, я так понимаю, уж на палубе будем, – предположил Гаврила.

– А ты предлагаешь на берегу? – хмыкнув, поинтересовался Михаил.

– Ну, уточнить-то всяко-разно нужно было, – пожал плечами полусотник.

– Что так смотришь? Считаешь, что оно того не стоило?

– Я тебе уж говорил, мы за тобой и в огонь и в воду.

– А как по душе?

– Кабы людишек увели с собой, так-то оно и порядок. А без интереса... Не наша земля и не наш ответ. Я уж говорил.

– На границе челядь⁵ не селят. Только вольных. И пока они в закупы не ушли, им не возбраняется распоряжаться собой. Дальше объяснять?

– Не нужно.

– Вот и действуйте.

С Никитой было все плохо. Настолько, что Михаил приказал выставять дополнительные посты, держаться настороже, но с лагеря не сниматься и завтракать на берегу. Романову

---

⁵ **Челядь** – общее название зависимого населения, как и холопы.

сейчас только качки не хватало, чтобы окончательно доконать парня. Хотя он и без того был без сознания, определил его под наркоз и начал колдовать.

Через два часа возни, без уверенности в результате, но понимая, что больше сделать попросту уже ничего не может, он приказал сниматься со стоянки. Остальное в руках божьих и крепости организма раненого. К сожалению, реанимации, нормальной операционной и медикаментов тут нет. Хотя... Справедливости ради, для этого времени и уровня медицины сомнительно, чтобы кто-то сделал больше. Даже в Царьграде. И дело не в мастерстве Михаила, а в тяжести раны.

Двое суток, остававшиеся до Переяславля, прошли уже без приключений. При виде же города Романов невольно улыбнулся. Словно и не было минувших трех лет. Все те же деревянные причалы. Множество кораблей. Толчея народа на берегу. Торговцы рыбой. Кстати, те же самые, на том же месте, разве только одежда сменилась. Впрочем, практически на такую же. У Михаила память фотографическая, так что узнал все детали сразу.

Хм. И те же самые дружинники, что не приметили тогда его пленения. Что самое смешное, в их числе и явно старшим... Барди Ульссон, сдавший его в холопы знакомым проезжим варягам.

– Ну, здравствуй, Барди.

Никакого желания посчитаться или предъявить. Неприязни и уж тем более вражды он к нему не испытывал. Просто захотелось перекинуться парой слов и все тут.

– Я тебя знаю? – с характерным скандинавским акцентом поинтересовался варяг.

– Вот, значит, как. Не узнаешь того, кто тебе жизнь спас.

– Да ну? Серьезно? – явно узнавая и не веря своим глазам, удивился он.

– Представь себе.

– Хм. Ну, лекарем еще ладно. Но воем, – покачав головой, озадаченно произнес Ульссон, не испытывая и тени тревоги.

– Сотник, какие будут приказы? – приблизившись и смерив взглядом собеседника Михаила, нарочито поинтересовался Гаврила.

Похоже, понял, что встретились старые знакомые и один из них в явном недоумении. Вот и решил подлить масла в огонь. Потому как, что именно ему делать, знал и без указаний. Все было решено еще до их прихода в Переяславль.

– Один десяток на ладье. Трое, и ты в том числе, со мной в княжьи палаты. Дары не забудьте прихватить, – подыгрывая полусотнику, ответил Михаил.

– Слушаюсь.

Гаврила опять бросил короткий взгляд на опешившего и не пытавшегося это скрывать Барди. Многозначительно хмыкнул и отправился обратно на причал.

– Сотник? – озадаченно кивая, коротко бросил Барди.

– Ну да, – жизнерадостно улыбнулся Михаил.

– Княжьи палаты? – продолжал он.

– Именно.

– Птенчик вырос, – хмыкнул варяг.

– И уже сам летает. Тебе привет от Сьорена.

– Как он? Как Эгиль?

– Эгиль погиб на следующий день после нашего отбытия отсюда. Меня приняли в дружину и прозвали Маркусом. Сьорен был моим наставником. Сейчас они все служат в Царьграде.

– Сьорен? – не поверил Барди.

– Ну да. Не устал еще удивляться?

– А ты не удивляй. Слушай, интересные, похоже, у тебя выдались эти три года, парень. Жаль, я не отправился с вами.

– Мне нужно к князю. Сообщить о гибели слободы на границе, ну и своим вопросом озаботиться. А тогда уж можно и выпить по чарке. Ты как?

– На службе до заката. Но после свободен как птица.

– Вот и договорились. Кстати, как тут мытника найти?

– А чего его искать. Вон поспешает. Дурно ему сегодня, животом мается. Опять бегал в камыши, – кивая в сторону мужика в сером кафтане, направлявшегося к ним, произнес Барди.

Вот и ладушки. Сейчас проведут местного чиновника по кораблю, дабы он сумел составить себе представление о товаре, какового на ладьях не так чтобы и много. После чего уплатят полагающуюся пошлину и можно будет спокойно заняться своими делами.

Глава 3

Стольный град

– М-да. Весело у вас там было, – хмыкнул Барди и вновь припал к кружке.

Михаил последовал его примеру. Корчма так себе. Не стоит доброго слова. Грязная, провонявшая пивом, мочой, потом и немытыми телами. Михаил всегда считал, что на Руси древние банные традиции. В принципе так оно и было. Только если ходить в баню раз в неделю, все одно начинаешь попахивать. В Константинополе дела обстояли иначе. Там мылись куда чаще. Но, справедливости ради, относится это по большей части к знати. В забегаловках типа этой амбре ничуть не лучше.

Тем более удивительно, что пиво тут вполне приличное. Или он уже успел подстроиться под местные вкусы. Ну находят же вкусным плесневелый сыр, хотя Романова от него воротит. И еще одна особенность. Местным пивом лучше не злоупотреблять. Крепость у него сравни вино. А то и повыше. Даже к местному квасу нужно подступаться с осторожностью, потому как тоже содержит алкоголь. Но вкусный, 3-зар-раза.

Барди приговаривает уже третью кружку. Михаил же все еще цедит первую. Не напиваться сюда пришел. В варяга же, пожалуй, можно было влить и бочку. Крепок, не отнять.

Насчет приема у князя переяславского Романов откровенно раскатал губу. Стража на воротах княжеского терема доложила о прибывших по команде. После чего Викулу пригласили пройти. Как-никак староста пограничной слободы. Да еще и с такой вестью. А вот Михаилу предложили прийти завтра. Недосуг князю. Занят. М-да. Ну да оно и понятно. Хотя надежда и присутствовала, чего уж там.

Зато уговориться с мытарем относительно места на торжище удалось без труда. Торговому люду тут завсегда рады. А товар у пограничников был, иное дело, что немного и перечень достаточно скромный. Но это ничего. Главное, получится пощупать спрос. А там, в будущем, разберутся.

– Значит, ты теперь сотник? – поставив кружку на стол, произнес Барди.

– Кентарх по-ромейски. Сотником на Руси пока еще никто не признал.

– А как тебя не признать, если под твоей рукой больше сотни воев. Хотя-а-а... Какие вои из крестьян.

– А ты у турок спроси. Они тебе расскажут, – подмигнул Михаил.

– Ну-ну. Только тут турок нет. У нас все больше половцы, да друг дружку режут.

– Половцев тоже можешь поспросить. Пустили им малость кровушку.

– Слыхал от мужиков, что вы караваном привели. Только отбиться с палубы ладьи куда проще, чем грудь в грудь сойтись.

– Ничего. И грудь в грудь мои люди чего-то да стоят.

– Настоящего воя нужно сызмальства обучать.

– Есть варианты, Барди. К примеру, если лук не дается, возьми самострел. Кому, как не тебе, это знать.

– Самострел у меня для того, чтобы иметь под рукой готовый выстрел. Так-то он с луком не сравнится.

– Это смотря какой самострел. Мой только в том и уступит, что быстро метать болты не получится. Во всем остальном побьет. И научиться из него метко стрелять куда как проще. У меня даже бабы с этим справляются.

– Бабы? – дугой вздернув бровь, удивился варяг.

– И даже детвора. Было пару раз, турки подступались к нашему селению, когда воев там не было. Так бабы и ребятня отправляли их восвояси не солоно хлебавши.

– Дела-а.

– Ты лучше скажи, кто из себя есть дядька княжий Горыня.

– А он-то тебе к чему.

– Хочешь сказать, что правит тут десятилетний князь, – хмыкнув, легонько потряхнул головой Михаил.

– Ну, ты же в сотники в свои годы выбился. Причем не будучи княжеских кровей.

– Да я и постарше буду. А потом, никуда бы я не выбился, коли не Комнин.

– А ить не понравится ему, что ты против его воли пошел.

– Коли тут уговорюсь, то мне оно и без разницы, понравится ему или нет. Так что о Горыне скажешь?

– По виду достойный вой, способный не только рубить врага. На деле, твоя правда, всем тут заправляет он. И бояр в узде держит и разум имеет. Так что как он решит, так оно и будет. Но князя он любит. Не мнет под себя, а растит как своего сына.

– Понял. Учту. Кстати, Барди, а ты как, не устал еще мыкаться по белу свету без кола и двора. А то, гляди, как уговоримся с Горыней, давай к нам. Вдовушку жаркую себе присмотришь. Да осядешь наконец.

– Это в земле-то ковыряться, – хмыкнул воин.

– Это о старости подступающей подумать, – возразил Михаил. – А насчет земли, так в том ничего зазорного нет. Ты подумай. Да товарищей поспрашивай. Сам не пожелаешь, может, найдется кто, кому уже в тягость все время в броне ходить.

– Ох и веришь ты в себя. Ты для начала с Горыней уговорись. Не верится мне, что он станет селить на переяславских землях кого попало.

– Если не дурак, как ты говоришь, то выгоду он свою узрит.

Тема для Барди оказалась неинтересной, и он опять начал выспрашивать о Царьграде. Что ему Переяславль и окрестности. Чего он не видел на Руси. А вот послушать о Царьграде оно всегда интересно. Михаил не стал его разочаровывать, вновь свернув на рассказы о ромеях.

Хорошо посидели. Душевно. А главное, с каждой минутой варяг нравился Михаилу все больше и больше. Прежде-то у них нормального общения и не получалось. Теперь Барди в нем видит ровню. Молод, не прибавить. Да только в дружине его кроме вчерашних пахарей есть и настоящие вои, коих Ульссон отличил без труда. И они руку Михаила приняли. Значит, не все так просто. А разговор на равных это совсем другое дело. Человек открывается с другой стороны, подчас совершенно неожиданной.

Утро выдалось чистое и звонкое. Михаил открыл глаза, чувствуя себя полностью отдохнувшим. Откинул полу спального мешка и, сев, с удовольствием потянулся. Хорошо-о! Оглянулся. Рядом похрапывают и откровенно заливаются тракторами его пограничники. Вот уж кому без похмелья не обойтись.

Под конец вчерашней гулянки корчма ходила ходуном от разухабистых песен и бабьего визга. Погуляли, чего уж. А оно ведь как. Насколько с вечера тебе было хорошо, настолько же поутру будет плохо.

Караульные, с одной стороны, посматривают на ворочающихся с легкой издевкой. Но с другой – с нескрываемой завистью. Ничего, сегодня и они оттянутся. Вот дома им так не гуляется. Чтобы душа по-настоящему развернулась, обязательно нужно забраться подальше.

После завтрака, несмотря на болезненное состояние, пограничники нагрузились как мулы товаром и поплелись на торжище. Осенняя ярмарка в самом разгаре. Так что с местом им не повезло. Загнали в самый дальний угол. Впрочем, хорошо хоть так. А то ведь могло и вовсе места не достаться и пришлось бы разворачивать торговлю прямо на пристани. С другой стороны, не такой уж и плохой вариант.

Михаил поднялся, надел сапоги и скатал в рулон спальный мешок. По сути, одеяло, сшитое из овчины, складывающееся вдвое и застегивающееся на две трети пуговицами. Достаточно

удобно. И места занимает немного, и спать можно хоть в снегу. Ну, зимой их еще не испытывали. Хотя по факту тулуп получается, так что должно работать.

Прихватил полотенце, в смысле, отрез полотна и, сойдя на причал, начал умываться. Хорошо. Сентябрь, но дни стоят погожие. Утренняя же прохлада и холодная вода враз выметнули остатки сна. Вытираясь, глянул в сторону берега. Встретился взглядом со старостой Викулой и кивнул в знак приветствия. Тот ответил и вернулся к своим обязанностям.

Спасенных Михаил временно взял на свой кошт. Раз уж начал помогать, то доводи до конца. Правда, кормить за здорово живешь порядка полутора сотен человек он не подрыжался. Поэтому сразу обозначил, что по прибытии обеспечит спасенных провизией на трое суток, а там уж они как-нибудь сами.

В принципе, слободчанам тут делать нечего. Могут расположиться в ином месте. Но вот держатся поближе к пограничникам. И насколько было известно Михаилу, от помощи князя пока воздержались. Хотя тот и открыл пред ними свои амбары. Не хотят одалживаться.

Завтракали без аппетита. Все посматривали на Михаила. Тот же словно ничего не замечал. Да и нечем ему было им помочь. Конечно, имелся у него крепкий и очищенный древесным углем самогон двойной перегонки. Но сугубо в медицинских целях.

После завтрака направились на торжище. Признаться, Михаил ожидал увидеть в городе грязь и слякоть. Но был несколько удивлен. Что касается дорог, то так оно и было. То есть сейчас-то сухо, причем не настолько, чтобы они были покрыты толстым слоем тончайшей пыли, взметающейся облачками даже за пешеходами. А потому вполне комфортно. Но если пойдет дождь, то грязи не миновать. И вот на этот случай на центральных улицах, ведущих от ворот к детинцу⁶, предусмотрены самые натуральные деревянные тротуары. Не сказать, что широкие, и только по одной стороне, но все же они в наличии.

Улицы города как спицы колеса тянутся от ворот к детинцу. Ну или кремлю, если хотите. На воротах стража, но свободному проходу не препятствуют. Трое дружинников стоят в тенечке, ведя ленивую беседу да посматривая на проходящий люд. Причем девицы, прогуливающиеся мимо и щебечущие как птички, интересуют их куда больше. Хм. Михаила, между прочим, тоже.

Поймал взглядом девичью фигурку, подчеркиваемую ладно скроенным сарафаном, и невольно заулыбался. Красавица то ли почувствовала это, то ли просто заметила его внимание и стрельнула в ответ озорным взглядом, подкрепленным улыбкой. Чертовка! Лучше бы сделала вид, что ничего не заметила. А так-то только раззадорила, заставив нервно сглотнуть.

Не сказать, что у него проблемы с интимным вопросом. Марфу он все же спровадил замуж. Чин чином передал будущему супругу невинную. Ему только девок портить не хватало для вящего авторитета. И в доме у себя ее оставлять не стал, не то разговоров не оберешься. Да и в лице мужа недоброжелателя получить не хотелось. И без того найдется еще кому, где и как перейти дорогу.

К себе же взял экономкой одну из вдов. Ладно скроенную молодуху. Разговоры все одно поползли. Но то уж не злобные, а так, пошущукаться от скуки. Да и не афишировали они свои отношения. Все тихо и чинно. Опять же, он с головой дружит, чтобы устроить все без байстрюков.

Вскоре Романов в сопровождении пыхтящих похмельных носильщиков дошел до ворот детинца. Именно там и располагалось главное торжище города. Раньше-то Михаил полагал, что он представляет собой военное укрепление с княжскими да боярскими хоромами и казармами дружины. Ну и главным храмом города. Кстати, последний все еще строится, причем возводится из камня по византийской технологии.

---

⁶ Детинец – центральная укрепленная часть древнерусского города, обнесенная стенами.

Так вот на деле детинец оказался эдаким городом в городе. Со своими улицами и княжими ремесленными мастерскими. В голове отчего-то сразу возникла аналогия с Большим императорским дворцом в Царьграде. Кто знает, быть может, по его образу и подобию и устраивали все. На Руси многое переняли у ромеев. И Михаил не собирался в этом отставать. Скорее даже обогнать. Если получится, конечно. Но он будет стараться изо всех сил.

В отличие от Большого дворца, где придворные проживали в отведенных им помещениях, здесь бояре имели свои подворья, образующие целую улицу. Не сказать, что обширные усадьбы, – все же из-за крепостных стен не разгуляться. Но все же. Ремесленники только работают в мастерских, принадлежащих князю, обитают в городе.

Улицы здесь резко отличаются своей относительной чистотой, покрытые вертикально поставленными деревянными чурбаками. Правда, запахи при этом стоят такие, что только держись. А ведь начало сентября, и солнышко не такое уж и жаркое. О миазмах, которые витали летом, и думать не хочется. А все оттого, что дерево легко впитывает в себя отходы жизнедеятельности животных.

Торжище Михаила удивило. Выкладывать товар на деревянную мостовую запрещено. В центре достаточно просторной площади, в ряды выставлены возы с товарами. В основном пришлых крестьян. За каждый воз взимается пошлина. По периметру лавки, среди которых затесалась и корчма. Слева крытые торговые ряды. Одно место в сажень шириной. Желаете больше, уплати за вторую. Хотя во время ярмарки никто подобной вольности не позволит.

Или Михаил ничего не понимает, или Горыня и впрямь хороший хозяйственник. Подобный порядок Романов наблюдал только у ромеев. На Руси все куда проще, и подтверждение тому торжище в посаде, где торговцы располагались как придется. Да взять даже рынок в его родном городе двадцать первого века. Разложившие товар прямо на тротуаре бабули, и не только, они в порядке вещей. Но вот здесь все устроено по уму.

Толкаясь меж покупателей, двинулись по рядам к выделенному им углу. Ушлый сосед, приметив, что место пустует, разложился, заняв два прилавка. Это они припозднились. Народ тут еще со света раскладывает свой товар. Не сказать, что ранняя птаха обрадовалась припозднившимся соням. Но недовольство высказывать не стал. Наоборот, под угрюмыми похмельными взглядами пограничников споро и с прибаутками ликвидировал самозахват, словно ничего и не было.

Едва освободилось место, как Родион тут же начал раскладывать свой товар, принимая его у воинов. Избавившись от ноши, те перевели на Михаила страдальческий взгляд. Он неодобрительно покачал головой и махнул рукой.

– Только без фанатизма мне.

– Чего? – сглотнув тягучую и непокорную слюну, поинтересовался Лука, любитель поучать по голове.

– Я говорю, не переусердствуйте. Закинетесь по одной кружке пива и сразу назад. Приглядите за Родионом. И не затягивайте. Я пока тут побуду.

– Понял, сотник, – отозвался бывший крестьянин.

Подобным раскладом он явно недоволен, но приказ выполнит. Опять же, нельзя оставлять паренька без догляда. Эдак кто-нибудь еще и сноровит обидеть. Что ни говори, а товар у них дорогой. Вставшему же за прилавков только пятнадцать.

Михаил уже давно озадачился вопросом, что нужно кого-то выделять для торговых операций и начинать его учить. Дело это такое, что мало знать счет, нужно еще и жилку соответствующую иметь. Поэтому приставил к Зосиме пятерых подростков. Из них отбор управляющего, приставленного к Михаилу Комниным, прошел только этот. Хваткий, шустрый, башковитый. Он уже сегодня торговался с ромейскими купцами и лавочниками, только держись. А что из него выйдет впоследствии, оставалось лишь гадать.

Товара немного, но другого такого тут не сыскать. Самым ходовым должны были стать обычные мышеловки. Немудренная конструкция для этого времени была настоящей находкой и уж однозначно будет востребованной.

Сейчас на Руси тяжело с кошками. Их если и можно купить, то в прямом смысле слова на вес серебра. Для борьбы с грызунами пытались приручать ласок, но те очень скоро открывали охоту на домашнюю птицу. Ужей. Но тут беда могла прийти с двух сторон. Детишки, не имея страха перед змеями, порой путали желтоухого друга с ядовитым гадом, а там уж и горе случалось. Ну и на зиму ужики впадали в спячку, как и приручаемые ежи. Кошка же практически идеальное оружие в борьбе с серыми агрессорами.

Да только ни одна киса не сравнится по эффективности с обычной мышеловкой. Конечно, вскоре местные кузнецы смогут повторить конструкцию. Сложного-то ничего нет. И стали уходит чуть да маленько. Сравнить расходы на них и тот же меч, на выходе получится явный приоритет в пользу нехитрого агрегата. Но вот конкурировать с налаженным производством у кустара не получится.

Мышеловки уже сегодня разлетаются в Царьграде как горячие пирожки, являясь ощутимой статьей дохода Михаила. И коль скоро ему не способны противостоять тамошние мастера, о местных и говорить не приходится.

Масляные лампы со стеклянной колбой и подкручивающимся фитилем, регулирующим высоту пламени. Не керосин, но тоже вполне себе прилично на фоне имеющихся образцов. И уж тем более при наличии латунного отражателя, отполированного до зеркального блеска. Безусловно, тут реальное зеркало было бы куда предпочтительней. Но о таковых Михаил даже не слышал. Если бы здесь делали зеркала в известном ему виде, то они уже давно появились бы в Царьграде.

Водяные часы на основе клепсидры с двумя стеклянными колбами, которые можно было заменить на керамические горшки, двенадцатичасовым циферблатом и стрелкой. До создания образца с минутной все еще никак не доходили руки. Ну или недоставало времени.

Арбалеты по своим боевым качествам были полностью сопоставимы с уже существующими образцами. Но имели некоторые, весьма существенные отличия. Более эргономичное ложе и легкий спуск, что обеспечивало комфортную и точную стрельбу. Ну и цена, которая на фоне других образцов была незначительно, но все же ниже.

Три остроконечных шлема из мастерской Михаила. Пять штампованных деталей. Четыре пластины и полумаска, скрепленные железными заклепками. Навершие в виде трубки с набалдашником или вставленным в нее хвостом из конского волоса.

Несколько образцов наконечников для стрел и болтов также по цене существенно ниже, чем у кустарных производителей. Та же штамповка.

Механическое огниво. В смысле, кремневый замок. Эдакие спички. Конечно, кресало и кремь они и проще и привычней. Но тут уж кому что нравится. К примеру, все пограничники были обязаны иметь именно такое огниво в прицеле на использование зажигательных стрел.

Это лишь неполный перечень представленного пограничниками товара. Само собой, обширным его не назвать. Но, по сути, больше и не нужно. Если он наладит массовое производство даже вот этого, то уже получит на выходе более чем существенную прибыль.

Разумеется, для этого ему потребуется неприлично много металла. Но железная руда на Земле есть практически повсюду. И то, что не интересует промышленность даже на уровне восемнадцатого столетия, сегодня покрывает запросы Романова с лихвой. Но даже если не найдется рядом луговой или болотной руды, он всегда может наладить ее закупку. Ведь не сырым железом или сталью торговать собирается, а готовой продукцией.

Так что наладит Михаил производство. Никуда не денется. Единственное, не мешало бы понять, каков местный спрос. Достанет ли его, или потребуется все же смотреть на запад. А значит, спускаться к морю и идти в Европу или как минимум в Царьград. Хотя нет. Туда-

то ему как раз путь будет заказан. Глупо рассчитывать на покровительство императора, коль скоро собираешься нарушить его волю.

Глава 4

На приеме у князя

В первый день торговля шла ни шатко ни валко. Продали всего-то пару ламп да три мышеловки. При этом пришлось изрядно помучиться, прежде чем научили покупателя настораживать их. Все же дело это непростое. Насадишь слишком сильно рычаг спускового механизма, и толку никакого. Хоть целый окорок сожрут, а ловушка не сработает.

Но наутро, едва разложили товар, тут же прибежал давешний мужик, как оказалось, купец. Причем теперь его интересовали не только мышеловки. В результате скупил все на корню. Как то, что было на торжище, так и находившееся на ладье. При этом пришлось еще и приведенного им парнишку обучать пользоваться механизмами. Но это нормально и при сегодняшней технической безграмотности попросту обязательно.

Родион откровенно негодовал. Змеей шипел в ухо сотнику, мол, какого рожна, господин, товарищ, барин, ты тут вытворяешь. Так дела не делаются. Это не торговля, а черт знает что. За каким он тогда его, Родиона, сюда тащил, если эдак и сам мог все раздать. Михаил его успокоил как мог и отправил на торжище походить, прицениться, пообщаться с торговым людом и жителями города и окрестностей. Вот и будет практическая польза.

– Михаил Федорович...

Возмущению прибежавшего из города Родиона не было предела. Он даже задохнулся на полуслове, не в состоянии произнести ни слова.

– Родя, выдыхай, – опустив ложку в миску с кашей, успокаивающе произнес Романов. Потом взял стоящую рядом кружку и протянул парню. – Держи. Сбитня глотни.

– Да какой сбитень, – продолжал возмущаться парень. – Там, на торжище, давешний купец наш товар на продажу выставил. Причем цену положил втрое. Место у него побойчей, так что торговлишка идет куда лучше, чем у нас.

– И чем ты недоволен? Значит, стоящий товар.

– Так ить продешевили!

– Спокойно, Родя. Ты чего такой шумный. Продешевили. Ты плату за товар получил звонким серебром или иным товаром?

– Серебром. Но можно было бы взять и товаром. В Царьграде...

– А нам серебро тут понадобится. И вообще, будут еще у тебя и походы, и заморские торжища, и выгодные сделки. Садись ешь, а потом опять на торжище ступай. И это. Обходи того купчину стороной, чтобы сердце не рвать, – улыбнувшись, закончил Михаил, вновь подступаясь к своей каше.

Ближе к полудню прибыл посланник. Князь Ростислав Всеволодович, в крещении Михаил, готов принять сотника Романова. Коему надлежит прибыть в княжьи хоромы спешно. Вот так. То муржили, а теперь вперед – бегом, скачками.

На воротах княжьего подворья двое дружинников в полном облачении, с щитами и копьями. Ничего так. Серьезные ребята. Это видно по подгонке брони, расположению амуниции, положению оружия и стойкам. Вроде и не напрягаются. Но видно, что готовы действовать в любое мгновение.

За воротами чисто и пригоже. Двор выслан толстыми плахами. А может, и обтесанными бревнами. Правда, запахи от этого никуда не делись. Несет так же, как и на улице. Ну, может, поменьше. Но Михаил этим методом однозначно пользоваться не станет. Уж лучше отсыпать гравием. Найдет где взять. А не найдет, так что-нибудь придумает.

Перед княжым теремом довольно просторный двор. Тут ведь и суды проводятся, так что народу набивается наверняка много. Сам терем представляет собой довольно большое двух-

этажное бревенчатое здание. Никаких изысков типа луковичных куполов не наблюдается, как здесь, так и на церквях. Крыша либо двухскатная, либо в виде пирамиды, крытая дранкой.

Небольшие окна, двери, карнизы, лестничные всходы и навес над парадным крыльцом украшены наличниками с затейливой резьбой. Смотрится эдакой лубочной картинкой. Ну вот взгляд не отвести. Красота, да и только.

Правда, это если отключить обоняние и не всматриваться в мелкие детали. Там треснула плаха. Тут у резьбы наличника отбит кусок. В углу заметно подгнившее бревно, не иначе как из-за систематического оправления нужды. Дверь на конюшню слегка покосилась, отчего под ней на деревянном настиле имеется полукруглая полоса.

Ну не музей, что тут скажешь. Обычное жилье со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вообще-то Михаил полагал, что на Руси должны иметься отхожие места. Но, похоже, они все же отсутствуют как класс. А народ ходит справлять нужду в хлев. Да и то сомнительно, чтобы по мелкой надобности бегали в такую-то даль. Об общественных туалетах и слыхом не слыхивали. Не все перенимается у ромеев. Ох не все.

В Пограничном один общественный туалет Михаил все же ввел. На пяточке, где проводила гулянье молодежь. С них же и спрос строгий, чтобы все чинно было. М-да. Ну, общий нужник это дело такое. Как-то прошелся он с инспекцией. Что тут сказать, мальчишки, они и в Африке мальчишки. Проковыряли в дощатых стенках пару дырок в неприметных местах, и гадать, за какой такой надобностью, не приходится. Романов сразу же свое детство вспомнил и устраиваемые им с товарищами проказы. В особенности в раздевалках на городском озере.

А так в каждом доме был поставлен нужник, который еще и известью посыпали. За оправление потребностей в неположенном месте драконовские штрафы. За повторное, плюсом к серебру, еще и порка. Оно ведь как, сколько человеку ни объясняй, а стукнуть все же как-то надежней...

В терем приглашать их не стали. Вместо этого вынесли на крыльцо внушительное резное кресло. После чего появился и сам князь. Мальчишка десяти годков. Росточком пока не блещет. Но телом крепок. Впрочем, с тщедушными тут вообще проблема. Встречаются крайне редко. Не выживают они. Естественный отбор в действии.

Пусть и малец еще, но обряжен в ламеллярный доспех. А на Руси это показатель. На боку сабелька. Восточная работа, ножны и рукоять с золотой насечкой и неограниченными самоцветами. Да и сам пояс богато изукрашен. Как по мнению Михаила, так полная безвкусица. Да и ни к чему мальцу носить такие тяжести. Ну да кто его спрашивать будет.

Справа и позади высокий крепкий воин. Эдакая гора, с первого взгляда внушающая к себе уважение. Этот в кольчуге, усиленной стальными пластинами. Сомнительно, чтобы железными. Ни разу не рядовой вой. На вид лет тридцать пять, русоволос, голубые глаза все время смотрят с хитрым прищуром. Огромен, это да. Но мозги в этом котелке на могучей шее варят. Однозначно. Похоже, он и есть Горыня, наставник князюшки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.